

ИНОГДА
ЧТОБЫ НАЙТИ
СЕБЯ,
НУЖНО
ПОТЕРЯТЬ
ВСЁ

ДЕНЬГИ
ОПАСНОСТЬ
СВОБОДА
ЛЮБОВЬ

ИСПОВЕДЬ ЭСКОРТНИЦЫ

ПРАВДА,
КОТОРУЮ ПРИНЯТЬ
НЕПРОСТО

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Исповедь эскортницы

<https://litres.ru/74449022>

SelfPub; 2026

Аннотация

В девятнадцать лет Алевтина приезжает в большой город с одним чемоданом и уверенностью, что самое трудное в новой жизни — поступить в университет и не разочаровать родителей. Но первая любовь заканчивается предательством, деньги — слишком быстро, а ночной клуб обещает то, чего ей так не хватает: независимость.

Так появляется Ева — красивое имя для жизни, где за внимание платят, желания имеют цену, а чужое «можно» всё чаще звучит громче её собственного «нет». От клуба до дорогих ужинов, от Москвы до ослепительного Дубая — шаг за шагом Алевтина оказывается в мире, который сначала кажется свободой, а потом превращается в клетку без замков.

Любовь, деньги, страх, контроль и право уйти — ей придётся заново понять смысл каждого из этих слов. И однажды решить: сколько стоит свобода, если цену назначают другие?

«Исповедь эскортницы» — психологический роман о женщине, которая потеряла себя под чужим именем и нашла силы вернуть собственное.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Один чемодан	5
Глава 2. Первая любовь	13
Глава 3. После любви остаются счета	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Исповедь эскортницы

Пролог

Меня зовут Алевтина. Но мужчины, о которых я собираюсь рассказать, почти никогда не называли меня этим именем. Для одних я была Алей. Для других — Евой. Для некоторых — просто девушкой, которую можно заказать на вечер, посадить рядом за стол и не слишком интересоваться тем, что она думает. Долгое время мне самой казалось, что эти имена принадлежат разным женщинам и что настоящая я остаётся где-то между ними, в безопасности. Я ошибалась. От себя невозможно уйти под другим именем. Можно только очень долго не смотреть назад. Эту историю я не писала, чтобы оправдаться. И не для того, чтобы кого-то обвинить. В ней были мужчины жестокие и мужчины добрые, люди слабые и люди опасные. Были мои ошибки, чужая власть, деньги, страх и любовь, которую я не всегда умела отличать от зависимости.

Я начинаю с девятнадцати лет — с одного чемодана, большого города и уверенности, что со мной ничего по-настоящему плохого случиться не может. Наверное, многие истории начинаются именно так.

Глава 1. Один чемодан

Если бы тогда, на вокзале, кто-нибудь сказал мне, что через несколько лет я буду бояться запертых дверей, мужских голосов за спиной и слишком дорогих подарков, я бы рассмеелась. В девятнадцать лет будущее казалось мне чем-то вроде большого города за стеклом поезда: ярким, далёким и обязательно моим. Я приехала в начале сентября. У меня был один чемодан, тяжёлый настолько, что ручка врезалась в ладонь, небольшая сумка через плечо и деньги, аккуратно разложенные матерью по двум конвертам. Один она подписала: «На первое время». На втором ничего не написала. Уже в поезде я поняла, что там лежит её собственный запас — тот самый, который она откладывала на зиму.

Я тогда ещё не знала, что чувство вины тоже может ехать с тобой в одном купе. Вокзал встретил меня шумом, запахом кофе и мокрого асфальта. Люди двигались быстро, словно каждый точно знал, куда ему нужно. Я одна стояла посреди потока и пыталась одновременно удержать чемодан, телефон и листок с адресом общежития. Навигатор показывал одно, женщина в справочном окне — другое, а мужчина у входа уверенно объяснял, что проще всего взять такси «всего за недорого». Я отказалась. Не потому, что была такой самостоятельной. Просто уже считала деньги.

До общежития я добиралась почти полтора часа. Сначала

ла метро, потом автобус, потом ещё десять минут пешком вдоль длинного серого забора. На середине пути одно колесо чемодана застряло в трещине. Я дёрнула сильнее, чем нужно, и едва не упала.

— Первый день в городе? — спросил кто-то сзади.

Я обернулась. Девушка с короткими светлыми волосами смотрела на меня с улыбкой. У неё на плече висел рюкзак, а в руке был стакан кофе.

— Так заметно?

— Очень. Через месяц будешь переступать через такие ямы и даже не смотреть вниз.

Она взялась за ручку чемодана с другой стороны.

— Давай. Я тоже туда.

Так я познакомилась с Катей. Мы оказались соседками по комнате. Катя была на год старше, училась на другом факультете и уже успела прожить в городе достаточно, чтобы говорить о нём как о человеке с трудным характером.

— Здесь главное не показывать, что ты потерялась, — сказала она, пока мы застилали кровати. — Даже если ты вообще не понимаешь, где находишься.

— А если правда не понимаешь?

— Тогда иди быстрее. Все подумают, что ты просто опаздываешь.

Я засмеялась. Мне понравилось, как легко она относилась ко всему, что меня пугало. Наша комната была маленькой: две кровати, два стола, шкаф, который скрипел так, будто

собирался рухнуть, и окно во двор. Из окна было видно другие окна — десятки одинаковых прямоугольников, в которых кто-то уже жил своей отдельной жизнью. Девушки красились, разговаривали по телефону, сушили волосы, ругались, смеялись. Мне вдруг стало спокойно. Я поставила на стол фотографию родителей. Мама на ней улыбалась, отец щурился от солнца. Снимок был сделан летом, у нашего дома. Там всё было знакомым: сирень возле забора, старая скамейка, окно кухни.

Катя заметила фотографию, но ничего не сказала. За это я сразу стала ей благодарна. На следующий день был первый день в университете. Я проснулась раньше будильника. Долго выбирала, что надеть, хотя выбирать особенно было не из чего. В конце концов остановилась на белой рубашке, тёмной юбке и туфлях, которые мама назвала «приличными». Перед зеркалом я выглядела слишком старательно. Катя, ещё лежавшая под одеялом, приоткрыла один глаз.

— Ты на лекцию или замуж?

— Очень смешно.

— Сними пиджак.

— Почему?

— Потому что в нём ты похожа на человека, который уже хочет стать заместителем декана.

Я сняла пиджак.

— Уже лучше. Теперь хотя бы похожа на студентку.

Университет оказался гораздо больше, чем я представля-

ла по фотографиям. Высокие двери, лестницы, длинные коридоры, аудитории с номерами, которые будто специально придумали, чтобы первокурсники никогда их не находили. Вокруг были люди, которые казались мне уверенными, красивыми и взрослыми. Позже я поняла, что половина из них тоже ничего не понимала. Просто они лучше это скрывали. Я опаздывала на первую лекцию. Аудитория 317 никак не находилась. Я дважды поднялась на третий этаж, один раз зачем-то оказалась возле кафедры иностранных языков, потом спустилась обратно и остановилась перед стендом с расписанием.

— Если смотреть на него ещё минут пять, аудитория сама не появится.

Голос прозвучал рядом. Я повернулась. Передо мной стоял высокий парень в тёмной футболке и джинсах. На плече у него висела сумка, а в руке был бумажный стаканчик кофе. Он смотрел на меня так спокойно, будто никуда не торопился.

— Я ищу триста семнадцатую.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что ты стоишь не в том корпусе.

Я почувствовала, как краснею. Он улыбнулся.

— Не переживай. На первом курсе это официально разрешено.

— А на втором?

— На втором уже стыдно.

Я невольно рассмеялась.

— Пойдём. Покажу.

Его звали Кирилл. Ему было двадцать два, он учился на четвёртом курсе. По дороге он успел рассказать, где дешевле покупать кофе, какой преподаватель любит опоздавших меньше остальных и почему в столовой нельзя брать рыбу по пятницам.

— Это тоже университетская традиция? — спросила я.

— Это инстинкт самосохранения.

Он довёл меня до нужной двери.

— Всё. Дальше сама.

— Спасибо.

— Не благодари. Когда станешь знаменитой, скажешь в интервью, что без меня не нашла бы первую аудиторию.

— А если я не стану знаменитой?

Кирилл пожал плечами.

— Тогда просто будешь должна мне кофе.

Я вошла в аудиторию, села на свободное место и ещё несколько минут чувствовала, как на лице держится улыбка. Лекция прошла мимо меня. Я записывала слова преподавателя, но мысли всё время возвращались к короткому разговору в коридоре. Не потому, что я уже влюбилась. До любви было далеко. Просто в чужом городе впервые появился человек, рядом с которым я перестала чувствовать себя потерянной. После занятий я долго ходила по центру одна. Мне

хотелось запомнить этот день целиком: дома, витрины, запах выпечки из маленькой пекарни, шум машин, трамвайный звон. Я купила самый дешёвый кофе и села на скамейку.

На другом конце улицы девушка в красном пальто смеялась рядом с мужчиной. Он что-то говорил ей на ухо. Она толкнула его плечом и снова засмеялась. Я смотрела на них и думала о том, что теперь моя жизнь тоже может стать какой угодно. Вечером мама позвонила первой.

— Доехала?

— Мам, я уже второй день здесь.

— Я знаю. Просто спрашиваю.

— Всё хорошо.

— Комната нормальная?

— Отличная.

Я посмотрела на трещину возле подоконника.

— Девочки хорошие?

— Очень.

— Ешь нормально?

— Конечно.

На столе передо мной лежал пакет лапши быстрого приготовления. Мама немного помолчала.

— Если что-то понадобится, скажи.

— Ничего не понадобится.

Я ответила слишком быстро. После разговора стало тяжело. Я достала второй конверт, тот самый без подписи, и пересчитала деньги. Затем убрала его глубоко в чемодан. Я ре-

шила, что не потрачу оттуда ни рубля. Это обещание я нарушила довольно скоро. Катя вернулась поздно, бросила сумку на кровать и посмотрела на меня.

— Ну? Как первый день большой жизни?

Я задумалась.

— Страшно.

— Это нормально.

— И интересно.

— Вот это уже опаснее.

Мы рассмеялись. Перед сном я долго смотрела в окно. Город не собирался засыпать. В домах горели окна, по дороге проезжали машины, где-то далеко звучала музыка. Мне казалось, что там, за стеклом, происходит настоящая жизнь, и мне наконец разрешили в неё войти. Я ещё не понимала, что большой город редко спрашивает, к чему ты готов. Он просто открывает двери. А дальше тыходишь сама. Телефон завибрировал почти в полночь. Номер был незнакомый.

«Ты всё-таки нашла свою аудиторию или тебя опять спасать?»

Я перечитала сообщение два раза и улыбнулась. Потом написала:

«Нашла. Кофе всё ещё должна?»

Ответ пришёл сразу:

«Теперь уже два».

Я положила телефон рядом с подушкой и закрыла глаза. В ту ночь мне казалось, что моя настоящая жизнь только на-

чинается.

Глава 2. Первая любовь

Кирилл написал мне на следующий день ещё до полудня. Я сидела на лекции, стараясь разбирать почерк преподавателя на доске, когда телефон коротко завибрировал в сумке. Сообщение было простым: «Кофе сегодня или долг растёт?» Я прочитала и сразу убрала телефон. Потом через минуту достала снова. Ответила только после пары: «А проценты большие?» «Разоришься», — пришло почти мгновенно. Я улыбнулась так заметно, что Катя, сидевшая рядом со мной в коридоре, прищурилась.

— Кто?

— Никто.

— Никто обычно не заставляет так смотреть в телефон.

Я не стала объяснять. Наверное, потому что боялась испортить что-то одним только произнесённым вслух словом. Мы встретились вечером возле университета. Кирилл пришёл без опоздания, что тогда показалось мне признаком почти невозможной мужской надёжности. В руках у него было два стакана кофе.

— Один мой, — сказал он. — Второй — в счёт твоего долга.

— А если я не выпью?

— Тогда будешь должна ещё один.

С ним всё казалось лёгким. Даже город, который ещё

неделю назад пугал меня размерами, вдруг стал понятнее. Кирилл показывал мне дворы, через которые можно было сокращать дорогу, маленькие кафе без ярких вывесок, набережную, где по вечерам почти не было туристов, книжный магазин в старом доме и лестницу, с которой открывался вид на половину центра.

— Ты всегда всех первокурсниц так развлекаешь? — спросила я однажды.

— Только тех, кто не умеет находить аудитории.

— Значит, мне повезло быть беспомощной.

— Очень.

Я толкнула его плечом. Он засмеялся. Первый поцелуй случился не на набережной и не под дождём, как потом почему-то представлялось мне в воспоминаниях. Всё было гораздо проще. Мы стояли у подъезда общежития. Кирилл говорил что-то про завтрашнюю пару, я почти не слушала. Он замолчал, посмотрел на меня и вдруг стал серьёзным.

— Ты сейчас опять думаешь слишком много.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя лицо такое.

— Какое?

— Будто внутри тебя заседает комиссия.

Я засмеялась, и в этот момент он меня поцеловал. Потом я ещё долго стояла в коридоре общежития, не заходя в комнату. Мне казалось, что если открыть дверь, включить свет и увидеть привычные две кровати, шкаф и Катин халат на

спинке стула, всё волшебство закончится. Катя открыла сама.

— Ты собираешься ночевать в коридоре?

Я вошла.

— Ну? — спросила она.

— Что?

— Целовались?

Я покраснела. Катя закатила глаза.

— Всё понятно.

Мне было девятнадцать, и я впервые по-настоящему верила, что всё важное в жизни происходит именно сейчас. Кирилл стал занимать всё больше места в моих днях. Сначала мы встречались после занятий. Потом начали видаться утром. Он ждал меня возле корпуса, приносил кофе, иногда провожал до общежития. Я знала, какие песни он включает в наушниках, когда злится, что он не ест помидоры, терпеть не может слишком сладкий чай и боится собак, хотя категорически это отрицал. Он знал, что я звоню маме каждый вечер, что я плохо ориентируюсь в городе и что перед экзаменами начинаю есть всё подряд, даже если не голодна.

Мне нравилось быть для кого-то знакомой до мелочей. Наверное, именно это и есть одна из ловушек первой любви: тебе кажется, что человек, который знает, как ты пьёшь кофе, автоматически знает и то, как нельзя с тобой поступать. Я продолжала подрабатывать в кафе, но всё чаще просила поменять смену. Если Кирилл предлагал встретиться, мне

казалось почти невозможным сказать: «Я не могу, у меня работа». Сначала это было редко. Потом вошло в привычку.

— Ты опять снялась со смены? — спросила Катя, когда однажды увидела меня вечером у зеркала.

— Только сегодня.

— Ты так говорила позавчера.

— У нас с Кириллом дата.

— Какая?

— Два месяца.

Катя секунду молчала.

— А через три месяца ты работу уволишь?

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Я тогда обиделась. Мне казалось, она завидует. Сейчас я понимаю: она просто видела то, чего я не хотела видеть. Мы с Кириллом проводили много времени вместе, но о будущем почти не говорили. Я сама додумывала то, чего он не обещал. Представляла, что он закончит университет, найдёт работу, я доучусь, мы снимем квартиру. Иногда даже ловила себя на том, что мысленно выбираю район, где мы будем жить. При этом Кирилл никогда не говорил: «Мы будем вместе». Он говорил: «Завтра увидимся», «На выходных поедem», «Летом можно куда-нибудь выбраться». Я складывала эти маленькие «завтра» в одно большое «навсегда».

Первые изменения были почти незаметными. Он стал реже ждать меня после занятий.

— Дел много, — говорил Кирилл.

Потом начал отменять встречи.

— Устал.

Телефон, который раньше лежал на столе экраном вверх, однажды оказался перевернут. Я заметила это сразу и тут же рассердилась на себя за то, что заметила.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Мне не понравилось, как быстро его устроил этот ответ. Однажды я позвонила ему вечером. Он не ответил. Через час написал: «Был занят».

— Чем? — спросила я на следующий день.

— Делами.

— Какими?

Он посмотрел на меня с лёгким раздражением.

— Аля, ты теперь будешь спрашивать, где я каждую минуту?

— Я просто спросила.

— Вот и я просто ответил.

Я замолчала. Через несколько минут Кирилл снова стал обычным: шутил, держал меня за руку, рассказывал про своего преподавателя. И я решила, что сама всё придумала. Так бывает очень часто. Сначала человек ранит тебя совсем немного, а потом делает что-то привычно хорошее — и ты сама убеждаешь себя, что боли не было. Деньги тем време-

нем заканчивались быстрее, чем я рассчитывала. Несколько смен я пропустила, ещё одну отдала другой официантке, потому что Кирилл пригласил меня на день рождения друга. Я купила новое платье — недорогое, но всё равно слишком дорогое для меня тогда.

— Красивое, — сказала Катя. — На что теперь жить будешь?

— Получу зарплату.

— Когда?

— Через неделю.

— А до неё?

Я пожала плечами.

— Разберусь.

Вечеринка проходила в квартире на другом конце города. Там было шумно, тесно и весело. Кирилл почти всё время находился рядом со своими друзьями. Я никого не знала, старалась улыбаться и не показывать, что чувствую себя лишней. В какой-то момент к Кириллу подошла высокая тёмноволосая девушка. Она обняла его слишком свободно, как обнимают людей, которых знают давно.

— Это Лера, — сказал он. — Мы вместе учились на подготовительных.

Лера посмотрела на меня.

— А это?

Кирилл на секунду замешкался. Совсем на секунду.

— Аля.

Не «моя девушка». Не «мы встречаемся». Просто Аля. Тогда я сделала вид, что не заметила. После вечеринки мы шли к метро. Я спросила:

— Почему ты не сказал, что мы вместе?

— Кому?

— Лере.

Кирилл усмехнулся.

— А должен был объявить всем официально?

— Нет. Просто...

— Аля, не усложняй.

Эта фраза потом звучала в моей жизни ещё много раз. Обычно мужчины произносили её именно тогда, когда хотели, чтобы сложной проблемой считалась не их поступок, а твоя реакция на него. Через несколько дней Кирилл снова пропал вечером. На этот раз я не звонила. Я сидела в общезнании над конспектами и пыталась читать одну и ту же страницу. Телефон лежал рядом. Каждые несколько минут я смотрела на экран. Катя наблюдала за мной молча.

— Можешь сказать, — не выдержала я.

— Что?

— Что я дура.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что сама скажешь, если понадобится.

Я закрыла книгу.

— Мне кажется, что у него кто-то есть.

Катя не удивилась. Это напугало меня больше всего.

— Ты что-то знаешь?

— Нет.

— Но думаешь так же?

— Я думаю, что если рядом с человеком тебе всё время приходится убеждать себя, что всё нормально, значит, что-то уже ненормально.

Я разозлилась.

— Ты его не любишь.

— Конечно не люблю. Поэтому мне проще смотреть.

Я не разговаривала с Катей до утра. Через два дня Кирилл сам написал: «Увидимся?» Я ответила сразу. Мы встретились возле университета. Он был привычно ласков, обнял меня, поцеловал в висок и сказал, что скучал. Всё моё раздражение исчезло почти мгновенно. Мне было стыдно за собственные подозрения. В тот вечер он снова был таким, каким я его любила: внимательным, лёгким, смешным. Мы сидели в кафе почти до закрытия, спорили о кино, потом долго шли пешком. Перед общежитием Кирилл сказал:

— Вот видишь. А ты наверняка опять что-нибудь себе придумала.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя уже изучил.

Мне тогда показалось, что это нежность. На следующий день у меня была свободная пара. Я решила зайти в книж-

ный магазин, который Кирилл однажды показывал мне. День был холодный, но солнечный. Я шла по другой стороне улицы и увидела его раньше, чем он меня. Сначала даже обрадовалась. Хотела окликнуть. Потом заметила девушку рядом. Это была Лера. Они стояли у витрины маленького кафе. Она что-то говорила, Кирилл смеялся. Потом Лера поправила ему воротник пальто — легко, привычно, будто делала это не первый раз. Я остановилась.

Можно было ещё придумать объяснение. Старые друзья. Случайная встреча. Ничего особенного. Я уже почти убедила себя. И тогда Кирилл наклонился и поцеловал её. Не дружески. Не в щёку. Мир не рухнул. Машины продолжали ехать. Люди проходили мимо. Кто-то смеялся. У светофора загорелся зелёный. Просто у меня внутри вдруг стало очень тихо. Я стояла на другой стороне улицы и смотрела на человека, вокруг которого несколько месяцев строила своё маленькое будущее. Он меня не заметил. Наверное, это было даже хорошо. Потому что в ту секунду я ещё не знала, что скажу ему при встрече.

Я знала только одно. Домой я вернусь уже другой.

Глава 3. После любви остаются счета

Я не помню, как дошла от той улицы до общежития. Помню только лица прохожих, которые почему-то раздражали меня своей обычностью. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то нёс пакет с продуктами, кто-то смеялся. Мир продолжался так, будто ничего не произошло. А для меня произошло. Я увидела Кирилла с другой женщиной. Не слышала слух, не прочитала чужую переписку, не догадалась по перевёрнутому экрану телефона. Увидела сама. Иногда правда оказывается почти удобной именно потому, что после неё уже невозможно спорить с собой.

В комнате была только Катя. Она сидела на кровати с ноутбуком на коленях, но, взглянув на меня, сразу закрыла крышку.

— Что случилось?

Я сняла пальто и повесила его мимо крючка. Оно упало на пол. Поднимать я не стала.

— Я видела его.

Катя молчала.

— С Лерой.

Она всё ещё ничего не сказала.

— Они целовались.

Только тогда Катя встала и подошла ко мне.

— Аля...

— Не надо.

Мне не хотелось, чтобы меня жалели. Жалость в тот вечер казалась чем-то почти унижительным, как будто она подтверждала: со мной действительно сделали то, чего я сама боялась признать. Я села на край кровати.

— Может, я что-то не так поняла.

Катя посмотрела на меня очень внимательно.

— Ты видела, как они целовались?

— Да.

— Тогда что именно тут можно понять не так?

Я опустила глаза. Наверное, мне хотелось, чтобы она придумала за меня оправдание. Любое. Случайность. Ошибку. Глупую игру. Что-нибудь, что позволило бы вернуть вчерашний день. Но вчерашнего дня уже не было. Я написала Кириллу сама.

«Нам надо поговорить».

Он ответил через двадцать минут.

«Сейчас не могу. Завтра?»

Я смотрела на эти два слова и чувствовала, как во мне вместо боли медленно появляется злость.

«Сегодня».

Он позвонил почти сразу.

— Что случилось?

— Я видела тебя.

Пауза длилась совсем недолго.

— Где?

— С Лерой.

На этот раз пауза стала длиннее.

— Аля, давай не по телефону.

— Почему? Ты по телефону не можешь объяснить, почему целовал другую?

Он выдохнул.

— Мы завтра поговорим.

— Нет. Сейчас.

— Хорошо. Я приеду.

Он появился через сорок минут. Мы вышли из общежития и остановились возле пустой детской площадки. Было холодно. Я не застегнула пальто и сразу замёрзла, но не хотела возвращаться за шарфом. Кирилл выглядел раздражённым, а не виноватым. Это ранило сильнее, чем я ожидала.

— Ты мне изменял? — спросила я.

— Давай сначала без истерики.

— Я не устраиваю истерику.

— Ты вытащила меня вечером через весь город.

— Я увидела, как ты целовал другую девушку.

Он провёл ладонью по лицу.

— У нас с Лерой давно всё сложно.

— У вас?

— Да.

— А у нас тогда что?

Кирилл посмотрел на меня так, будто вопрос его утомил.

— Аля, мы встречались.

— Встречались?

— Ну да.

— А сейчас?

— Сейчас ты превращаешь всё в драму.

Я почувствовала, что начинаю дрожать, и уже не понимала, от холода или от злости.

— Ты мне изменял?

Он наконец посмотрел прямо.

— Мы что, были женаты?

Есть фразы, которые человек произносит за несколько секунд, а потом они остаются с тобой на годы. Не потому, что особенно умны. Наоборот. Потому, что в них вдруг помещается вся правда о том, как мало значило для другого то, что для тебя было почти целой жизнью. Я не заплакала.

— Понятно.

— Аля, ну не начинай.

— Я закончила.

Он шагнул ко мне.

— Давай нормально поговорим.

— Мы уже поговорили.

— Ты сейчас ведёшь себя как ребёнок.

Я усмехнулась.

— Может быть. Мне девятнадцать.

Кирилл замолчал. Я развернулась и пошла к общежитию.

Он не догнал. И это тоже стало ответом. Той ночью я плакала долго и некрасиво. Не как в кино, где женщина сидит у окна с одной красивой слезой. Я задыхалась, злилась на себя, на Кирилла, на Леру, на весь город. Катя молча поставила рядом кружку воды и легла на свою кровать, отвернувшись к стене, чтобы не мешать мне чувствовать себя одной. Утром всё оказалось ещё хуже. Потому что утром надо было вставать. Нужно было умыться, надеть одежду, пойти на занятия, отвечать людям «нормально», когда они спрашивали, как дела. Боль, которая ночью казалась огромной, утром должна была somehow поместиться между первой и второй парой.

Я удалила переписку с Кириллом. Потом восстановила из корзины несколько фотографий. Потом снова удалила. На лекции я ни разу не открыла тетрадь. После занятий зашла в туалет и увидела себя в зеркале. Глаза опухли, волосы были собраны кое-как, на щеке отпечаталась складка шарфа. Я вдруг подумала: «Он сейчас, наверное, живёт обычный день». Эта мысль оказалась почти невыносимой. Вечером позвонила мама.

— Ты простыла? Голос странный.

— Немного устала.

— Учёба тяжёлая?

— Нормально.

Я уже научилась говорить это слово так, чтобы оно ничего не значило.

— Денег хватает?

Я посмотрела на кошелёк.

— Хватает.

Это была вторая ложь за одну минуту. На следующий день я впервые за долгое время открыла банковское приложение и внимательно посмотрела на остаток. Цифра была маленькой. Слишком маленькой. Я вспомнила все пропущенные смены. Платье для дня рождения Кириллова друга. Кофе, такси, подарки, еду на двоих, которую иногда оплачивала я, потому что мне хотелось быть «не такой девушкой, которая всё ждёт от мужчины». Любовь закончилась, а расходы почему-то остались. Через неделю нужно было платить за комнату. Ещё нужны были проездной, продукты и учебные материалы. В университете предупредили о покупке нескольких пособий. Я записала суммы на листке, сложила и пересчитала ещё раз, будто арифметика могла передумать.

Не могла.

— Сколько? — спросила Катя.

— Ничего.

— Аля.

Я показала ей листок. Она присвистнула.

— Ты смены брала?

— Меня пока мало ставят.

— Попроси больше.

— Попрошу.

На следующий день я пришла в кафе раньше и дождалась

администратора.

— Светлана Викторовна, можно мне больше смен?

Она подняла глаза от графика.

— Ты же сама последние недели просила тебя менять.

— Теперь могу работать.

— Теперь у меня девочки набраны.

— Хотя бы две дополнительные.

Она задумалась.

— В пятницу можешь выйти до закрытия.

— Могу.

— И в воскресенье.

— Да.

Я согласилась бы тогда и на понедельник, и на вторник, и на сутки подряд. Первые дни работа даже помогала. Пока я носила тарелки, вытирала столы, принимала заказы и улыбалась посетителям, времени думать о Кирилле почти не оставалось. Но вечером я возвращалась в общежитие, и он снова появлялся в голове. Однажды написал.

«Ты как?»

Я долго смотрела на сообщение. Хотела ответить: «Плохо». Потом: «Отлично». Потом написать всё, что думала. В итоге не ответила ничего. Через час пришло ещё одно.

«Не злись».

Я заблокировала номер. Это было первое маленькое решение, которое я приняла только ради себя. Денег всё равно не хватало. Я стала считать каждую мелочь. Перестала поку-

пать кофе в университете. Ездила лишнюю остановку пешком. В столовой брала самое дешёвое. Однажды целый день прожила на яблоке, булочке и чае. Катя заметила.

— Ты ела сегодня?

— Конечно.

— Что?

— Не устраивай допрос.

Она открыла свою полку, достала упаковку макарон.

— Будешь?

— Нет.

— Тогда я сварю слишком много, а ты случайно съешь.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

В конце месяца хозяйка комнаты, которую мы снимали после временного общежития на двоих с Катей, написала, что со следующего месяца плата повышается. Я перечитала сообщение три раза.

— Всё, — сказала я.

— Что? — спросила Катя.

Я протянула ей телефон. Она прочитала.

— Неприятно.

— Неприятно? У меня денег нет.

— Что-нибудь придумаем.

— Что?

Катя пожала плечами.

— Можно поискать дешевле.

— И жить где? На окраине вчетвером?

— Можно найти подработку.

— Я уже работаю.

Я сказала это резче, чем хотела. Катя ничего не ответила.

Мне стало стыдно.

— Прости.

— Ничего.

Я села рядом.

— Просто я устала.

— Я вижу.

В университете тоже стало хуже. Из-за ночных смен я несколько раз опоздала на первую пару. Один преподаватель сделал замечание. Другой предупредил, что пропуски повлияют на допуск к зачёту. Я начала жить по странному расписанию: утром учёба, днём библиотека, вечером кафе, ночью дорога домой, несколько часов сна — и снова университет. Иногда в автобусе я закрывала глаза и просыпалась на своей остановке только потому, что водитель громко объявлял конечную. Однажды на работе я перепутала два заказа. Посетитель возмутился.

— Девушка, вы вообще слушаете?

— Простите.

— Я двадцать минут жду.

— Сейчас всё исправлю.

Администратор отвела меня в сторону.

— Ещё одна такая ошибка — и уйдёшь домой.

— Я поняла.

— Ты в последнее время вообще здесь?

Я хотела ответить, что физически — да. Но промолчала. После смены мне выдали зарплату. Я вышла на улицу, села на остановке и сразу пересчитала деньги. Потом ещё раз. Даже с зарплатой до нужной суммы не хватало. Я достала телефон. Могла позвонить маме. Представила, как она скажет: «Конечно, доченька». Потом откроет свой шкаф, достанет конверт или пойдёт занимать у соседки. Я убрала телефон.

Нет.

Я сама хотела этой взрослой жизни. Значит, должна была сама в ней удержаться. Через несколько дней начальник в кафе сообщил, что в следующем месяце смен будет меньше.

— Почему?

— Несезон. И людей много.

— Мне очень нужны часы.

— Всем нужны.

Он уже смотрел мимо меня. Я вышла из кабинета и почувствовала почти физическую панику. До оплаты комнаты оставалось девять дней. В тот вечер мы с Катей сидели на кухне. Она красила ногти тёмным лаком, я раскладывала перед собой деньги и чеки.

— Если не хватит, я могу занять, — сказала она.

— У тебя самой немного.

— Переживём.

— Нет.

— Почему ты всё время «нет»?

— Потому что я не хочу жить в долг.

Катя усмехнулась.

— Взрослая жизнь тебя разочарует. Здесь половина людей живёт в долг.

Я не улыбнулась. Она посмотрела на мои расчёты.

— Слушай... есть одна работа.

Я подняла голову.

— Какая?

Катя замялась впервые с тех пор, как я её знала.

— Тебе не понравится.

— Почему?

— Потому что ты сейчас сразу скажешь «нет».

— Сначала скажи.

Она закрыла флакон лака.

— У знакомой девочки есть место в клубе. Ночью.

— Каком клубе?

Катя посмотрела прямо на меня.

— Стриптиз.

Я даже рассмеялась.

— Нет.

— Я же говорила.

— Катя, ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Я туда не пойду.

— Хорошо.

— Никогда.

— Я поняла.

Меня почему-то разозлило её спокойствие.

— И вообще, почему ты решила, что я могу там работать?

— Потому что ты красивая.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

— И что там делать?

Катя чуть улыбнулась.

— Ты же туда никогда не пойдёшь. Зачем тебе знать?

Я встала из-за стола.

— Правильно. Не надо.

В комнате я легла, но долго не могла уснуть. За стеной кто-то смеялся. Во дворе хлопнула дверь машины. Телефон показывал два часа ночи. Я думала о Кирилле. О деньгах. О матери. О хозяйке квартиры. О сменах, которых больше не будет. А потом — против своей воли — вспомнила Катину фразу.

«За ночь там можно заработать столько, сколько здесь за неделю».

Я повернулась к стене и закрыла глаза.

Нет.

Я туда никогда не пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.